

ПАРАДОКСЫ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИЗМА

Трифон СУЕТИН

младший научный сотрудник сектора истории антропологических учений.

Институт философии Российской академии наук.

109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1;

e-mail: suetin_trifon@mail.ru

К.Г. ЮНГ О КЛАССИФИКАЦИИ ФАНТАЗИЙ

Статья посвящена фантазии в антропологическом аспекте. Фантазия рассматривается как особый, удивительный дар человека. В западной философской традиции человеческая фантазия основательно исследовалась главным образом в эстетике и эпистемологии и лишь сравнительно недавно стала предметом философской антропологии. Сама способность человека отрываться от действительности, погружаться в мир грёз, создавать вымышленные миры парадоксальна в своём многообразии. В стремлении понять природу человеческих фантазий в истории философии неоднократно предпринимались попытки систематизировать фантазии. Автор, анализируя работы швейцарского мыслителя К.Г. Юнга, предлагает антропологическую классификацию фантазий, разделив их на три группы по принципу направленности – к внешней реальности, внутреннему миру человека и к архаическому содержанию коллективного бессознательного. Такая классификация даёт возможность показать, что человеческая фантазия исключительный феномен, не присущий другим живым существам. Фантазия характеризует своеобразие, эксцентричность человека, его уникальность. Такая попытка группирования фантазий приводится впервые в отечественной философии. В статье используется методология философской антропологии и психоанализа.

Ключевые слова: фантазия, Юнг, реальность, внутренний мир, антропология, человек, бытие, коллективное бессознательное, воображение, мечта

Человеческих фантазий великое множество, они безмерны и безграничны, глубоко укоренены в нашей жизни. Фантазии выражаются в важнейших областях человеческого существования. Впустив в научную мысль фантазию, человечество получило такие великие идеи, как, например, атомистика Демокрита или гелиоцентризм Н. Коперника. Таким образом, фантазия во многом обогащает познавательную деятельность. Грёзы обладают огромной компенсаторной силой. В человеческой жизни многие желания оказываются несбыточными. Однако мечты и фантазии позволяют человеку отчасти восполнить ограниченность жизни. Фантазия разбавляет обыденное существование, носит развлекательный характер, о чём свидетельствует её выражение в различных видах искусства, творчестве, культуре. Кроме того, содержание коллективного бессознательного – архетипические образы и символы, кристаллизованный опыт человечества – находят своё выражение через мифологические, сказочные фантазии.

В таком обилии выражения фантазий оказывается крайне сложной задачей исследовать их природу. Поэтому в истории философии фантазии многократно подвергались градации по определённым типам. Так, например, немецкий философ И. Кант предложил различать репродуктивную, продуктивную и трансцендентальную функции воображения, что даёт возможность рассматривать фантазии, вызванные ассоциациями, основанные на опыте прошлого; произвольные фантазии, выходящие за пределы эмпирики, создающие картины, не имеющие отражения в реальности; априорные образы идеальных, не существующих в реальности предметов и объектов [3]. Однако для Канта фантазия играет существенную роль, прежде всего в познании, является связующим звеном между чувственным восприятием и рассудочностью. Кантианский подход к систематизации фантазии в большей степени актуален в эпистемологии, нежели философской антропологии. Поэтому для исследования природы столь многообразного феномена фантазии в антропологическом контексте необходима такая классификация, которая отражает непосредственное выражение фантазий человека. Будучи психическим явлением, фантазия во многом спонтанна и произвольна, лишь отчасти контролируется сознанием, а в большей мере ведёт сознание за собой. И тогда можно условно разделить фантазии на три группы, исходя из того, на что они устремлены.

Первый вид фантазий непосредственно связан с внешним миром. Окружающая человека реальность полна разнообразных возможностей, в ней огромный простор для человеческого творчества, и может показаться, что сама действительность продуцирует многие фантазии. Однако такое представление иллюзорно. Реальности как таковой безразличны грёзы, человеческие мечты и желания. Но именно в столкновении с реальностью у человека возникают различные потребности и желания, рождая тем самым многочисленные фантазии. Действитель-

ность оказывается для человека слишком обуженной, потому как человеку удаётся воплотить в реальность далеко не все свои мечты. Основатель психоанализа З. Фрейд полагал, что именно неудовлетворённость действительностью побуждает человека фантазировать. «Никогда не фантазирует счастливый, а только неудовлетворённый. Недовольные желания – движущие силы мечтаний, а каждая фантазия по отдельности – это осуществление желания, исправление неудовлетворяющей действительности» [6, с. 129]. Да, человеческая грёза обладает огромной энергией, которая способна восполнить недостаточность жизни. Более того, фантазия может сплестись в такую сложную запутанную сеть, создать целую комбинацию компромиссов, быть эмоционально наполненной, яркой, что позволяет ей во многом заместить реальность. В некоторых случаях это удивительное свойство фантазии может позволить человеку в забытии грёз преодолеть мучительные драмы и трагедии жизни. Но в то же время фантазии становятся опасными в своей предельной оторванности от реальности, погружая человека в омут иллюзий и заблуждений, препятствуя нормальному существованию.

Однако мечтательность нельзя свести лишь к неудовлетворённости жизнью. Конечно, вряд ли найдётся человек, у которого не возникает никаких грёз и фантазий относительно окружающей действительности. Но очевидно, что причина таких фантазий не только нужда и нереализованные желания. Человеческие мечты могут не иметь прагматичных причин, а существовать ради развлечения, носить гедонистический характер. Об этом, в частности, свидетельствует искусство. Реальность может побудить фантазию живописца запечатлеть красоту окружающего мира для эстетического наслаждения. Здесь не прослеживается неудовлетворённость желания в столкновении с действительностью. Напротив, реальный мир завораживает своей красотой, пробуждая в человеке творческий дух фантазии.

Но есть и такие фантазии, которые возникают не только в результате соприкосновения с реальностью. Это фантазии иного рода, которые рождаются во внутреннем мире человека, порождаются многообразием человеческих чувств. В своём пределе такие фантазии могут быть полностью оторваны от реальности, никак не соприкасаться с действительностью. Например, философы эпохи романтизма полагали, что фантазия должна быть максимально оторвана от окружающего мира и направлена на созидание внутренних, чувственных состояний человека. «Отрекаясь от действительности, романтик вступает в неизведанные зоны собственного бытия. Преображая реальность, он постигает в себе нечто уникальное, независимое, принадлежащее ему как живому существу» [1, с. 227]. Для романтиков ценность человеческого бытия в фантазии, в удивительной способности возвышаться к чувственной природе человека, духовному постижению действительности. Реальный мир, по мнению романтиков, слишком обужен, скуден, в нём не обна-

руживается той свободой, которая столь свойственна духовным состояниям и переживаниям человека. Именно в фантазии человек способен постигнуть истинную глубину человеческого бытия.

Наконец, к третьему виду можно отнести такие фантазии, в которых выражается накопленный, кристаллизованный опыт человечества. Здесь фантазия становится проводником содержаний коллективного бессознательного, воплощённых в мифологических сюжетах, эпосах, легендах, сказках. К.Г. Юнг посвятил многие свои труды исследованию коллективного бессознательного, а следовательно, его концепция фантазии во многом опирается на идею об архетипах, первообразах, кристаллизованных в мифологических сюжетах. Ниже приведён подробный анализ работ К.Г. Юнга с точки зрения трёх видов фантазий.

I. Грёзы и реальность

Не вызывает сомнений, что многие фантазии рождаются в соприкосновении человека с действительностью. Они очаровывают яркостью и отчетливостью желаний преодолеть реальность, воплотить в жизнь мечты. Юнг пишет: «Она [фантазия. – Т.С.] является прежде всего творческой деятельностью, дающей ответы на все вопросы, на которые ответ возможен: она – мать всяких возможностей, и в ней жизненно слиты, наравне со всеми психологическими противоположностями, также и внутренний мир с миром внешним» [14, с. 119]. Это такая фантазия, которая связана с реальностью, существует с ней в бесконечном взаимодействии, порождает целую вереницу представлений, формирует эмоционально насыщенные образы, заражает человека страстью, разнообразными эмоциями, мотивирует, вдохновляет, пробуждает веру или же угнетает, пугает, огорчает... так или иначе, оказывает сильное влияние на жизнь человека. Взор человека на окружающий мир постоянно вызывает в воображении целую палитру различных фантазий, реальность же в этом ракурсе – лишь набросок, эскиз, который приобретает оттенки, яркость и становится законченным полотном благодаря нашим фантазиям.

С одной стороны, реальность, в сравнении с безмерностью фантазии, кажется слишком обуженной. В ней мы никогда не сможем удовлетворить, воплотить в жизнь все наши грёзы, фантазий всегда оказывается гораздо больше. Но вместе с тем реальность постоянно провоцирует наше воображение, порождает желания и мечты, может стать мощнейшим катализатором воображения. «Перед нами многообразные требования внешней действительности, побуждающей творческую фантазию к деятельности» [14, с. 126]. В этом смысле – окружающий мир оказывается для нас творческим пространством, в котором фантазия способна творить и раскрывать весь спектр человеческих возможностей. Действи-

тельность постоянно провоцирует человеческую фантазию, пробуждает грёзы, желания. Такие фантазии наполняют жизнь каждого человека, от самых мелких бытовых сюжетов до великих свершений.

Иллюстрации для такого рода фантазий можно приводить бесконечно – они лежат на поверхности человеческого существования, отражаются во всех человеческих стремлениях, достижениях, свершениях. Реальность может породить в человеке грёзу, соблазнительную мечту, которая заставляет двигаться к своей цели, нарисованной яркими красками воображения. «Сенсационность, притягательность авантюры, технический риск и интеллектуальное любопытство, – отмечает Юнг, – это, по видимости, хотя и достаточный мотив нашей предвосхищающей фантазии, но, как это чаще всего происходит, подобные источники фантазии, ... основываются на лежащей под ними и за ними причине, а именно на насущной необходимости и соответствующей потребности» [11, с. 20]. Фантазия обнажает перед человеком всё многообразие возможностей, которые могут вести за собой, наполнять решимостью. Но за целью неизменно стоит условие, которое также исходит из реальности – недостаток того, на что направлена фантазия. Это могут быть самые различные сферы человеческой жизни – желание состоятельности, престижа, счастливого брака, карьерного роста.

В конфликте между желаемым и действительным может пробудиться ярчайшая мечта и сильнейшая мотивация. В этом контрасте грёзы и реальности, фантазийные образы, однажды нашедшие в сердце человека отклик, в синтезе с реальной жизненной потребностью могут разбудить в человеке страсть – пленить, заморозить, очаровать, увлечь нас в жизненные авантюры преодоления действительности. Но так ли однозначны фантазии, порождённые реальностью? Ведь изначально такая фантазия всегда лишь грёза, мечта, представшая в нашем сознании. Она исходит из реальности, но реальность в таком случае выступает в качестве катализатора, который пробуждает воображение, провоцирует его на творчество. В этом смысле фантазия всегда создаёт некую идеализацию реальности, желанный, но невоплотимый в своём абсолюте образ действительности. С одной стороны, такая фантазия может служить хорошим ориентиром – желанная цель чётко обозначена мечтой, она ведёт за собой. С другой же стороны, одной лишь грёзы может оказаться вполне достаточно. Более того, нереализованные фантазии могут стать причиной разлада с реальностью, погружая человека в фантомный мир грёз, всё сильнее отрывая человека от действительности.

В таком ракурсе о фантазиях рассуждал З. Фрейд. Основатель психоанализа считал, что стабильность психики всецело зависит от укоренённости человека в реальности. Т. е. чем меньше в психике индивида оторванных от действительности грёз, тем плотнее человек связан с реальностью, адекватно соответствует нормам внешнего мира [5]. Для Фрейда фантазия – это прежде всего следствие нереализованных же-

ланий, вытесненных в бессознательное. И чем больше таких фантазий, чем они интенсивнее, тем сильнее человек отрывается от реальности, погружается в фантомный мир, поэтому его реакция на события окружающего не соотносится с действительностью. Фрейд полагал, что фантазия рождается из разлада между сексуальными инстинктами человека и моральными нормами общества. Иными словами, за фантазией всегда стоит причина, которая исходит из реальности. Желание возникает в соответствии с естественной животной природой человека, но в то же время натывается на запреты, созданные обществом. Таким образом, желание вытесняется – от реализации остается одна фантазия, грёза.

Конечно, за множеством фантазий стоят невоплощённые желания. Но если полностью принять точку зрения Фрейда, фантазия утрачивает свою парадоксальность, спонтанность, многогранность. В этом смысле с Фрейдом полемизирует Юнг. Он полагает, что невоплощённые желания, недостаточная реализованность в действительности не могут дать природе фантазий исчерпывающее объяснение. Фантазии, помимо причинного объяснения, могут иметь финальную установку. «Если бы мы захотели объяснить видение Петра ссылкой на тот факт, что он голодал и что поэтому бессознательное побуждало его есть нечистых животных или же что поедание нечистых животных вообще лишь исполнение запретного желания, то такое объяснение даёт мало удовлетворения. <...> Поэтому мы вынуждены значительно расширить наше понимание скрытого смысла фантазии, прежде всего в смысле причинности... Она не есть лишь нечто физиологическое, биологическое или личное, но и некая проблема истории того времени. ...Никакой психологический факт никогда не может быть исчерпывающе объяснён только из одной своей причинности... он, с одной стороны, есть всегда нечто ставшее, с другой стороны, он всё же есть всегда нечто становящееся, творческое» [14, с. 469]. Фантазия – это прежде всего акт творчества. Имея под собой какую-либо основу, как, например, неудовлетворённость желания, фантазия оказывается спонтанной в своей творческой устремлённости. В этом и обнаруживается неисчерпаемая глубина человеческих грёз. Они могут существовать без всякой реальной нужды, как, например, грёзы поэта, живописца, композитора, цель которых – передать эстетическое, чувственное переживание реальности.

Кроме того, фантазирование в своей сути – основной способ постижения человеком реальности в начале своей жизни. Здесь также недостаточно будет полагать причину фантазии в неудовлетворённости желаний. В своей работе «Конфликты детской души» он отмечает одну из распространённых форм фантазии. «Когда жизнь сталкивается с препятствиями и человеку не удаётся приспособиться, а поэтому переход либидо в реальность застопоривается – происходит интроверсия, т. е. вместо действия в реальности возникает усиленная деятельность фантазии. Её тенденция – устранить препятствия, по крайней мере сна-

чала произвести это устранение в фантазии, за которым через некоторое время может также последовать и какое-то практическое разрешение» [10, с. 16]. Такого рода фантазии особенно присущи детскому возрасту. Мир ребёнка полон самых различных иллюзий, фантастических образов, он ещё не отягощён сложностями внешней действительности. Можно сказать, что жизнь человека начинается в вихре фантастических переживаний реальности. Ребёнок взирает на окружающий мир через призму грёз, иллюзий, мечтаний. Но и в зрелом возрасте человеку свойственно предаваться таким мечтам и фантазиям, которые позволяют укрыться в мире иллюзорного удовлетворения своих желаний в грёзе.

Кажется парадоксальной мысль об удовлетворении мечты в собственных фантазиях. Терзаемому невоплощёнными желаниями фантазии способны дать мощную эмоциональную разрядку, и порой нереализованные мечты приобретают ценность гораздо выше, нежели их реализация в действительности, сопряжённая с множеством сложных перипетий внешнего мира. Немецкий философ К. Ясперс выразил эту мысль так: «Мы отвлекаемся от реальности с помощью фантазий, легко и щедро вызывающих в нас всё то, что в действительности достигается с таким трудом и с такой высокой степенью неполноты. Будучи связаны с желаниями, проистекающими из заторможенности и неудовлетворённости личностного бытия, фантазии, несмотря на свою нереальность, приносят нам облегчение» [18, с. 400]. Без возможности укрыться в мире собственных мечтаний человек был бы, скорее всего, задавлен неотвратимыми трудностями окружающей действительности. Фантазия может быть спасительным оплотом, где непримиримое постоянство реальности перестаёт иметь значение, а желаемое, пусть и в нашем воображении, становится объектом эмоциональной разрядки. Но, несмотря на свои спасительные свойства, фантазия может быть и опасной.

В фантазии человек способен выстроить крайне сложную и запутанную структуру иллюзий, из которых порой оказывается непросто выбраться. Она греет, мотивирует, провоцирует на свершения, но она же есть заблуждение – идеализированное представление, избавленное от всех шероховатостей реальности. Реальность одна, а человеческих запросов, которые возникают в соприкосновении с окружающим миром, бесчисленное множество. Фантазии постоянно множатся, это процесс неустанного творчества психики. И плоды этого творчества всегда лакируются – мечта выражается в своём абсолюте, в ней всё складно, в ней низводятся до минимума все препятствия – это конечный, целостный образ-представление. Фантазия может помочь преодолеть реальность, но в то же время может и ослепить, одурманить, создать иллюзорную действительность, из которой крайне сложно выпутаться.

Фантазии, порождённые в столкновении с окружающей действительностью, достаточно прозаичны, естественны. Юнг главным образом отмечает, что фантазия – постоянный акт созидания, живая реак-

ция психики на все процессы, происходящие во внешней среде, выражаемая через бесчисленные образы. Фантазия рисует различные вариации продления реальности, это целая кладёзъ возможностей. Но вместе с тем фантазия может вообще не иметь никакого отношения к внешней действительности, быть самобытной в своей изначальной оторванности от реальности. «Мы вращаемся в мире фантазий, которые, не заботясь о внешнем ходе вещей, текут из внутреннего источника и порождают вечно меняющуюся последовательность пластических или фантастических форм» [16, с. 71]. Деятельность воображения непрерывна, человеческая психика находится в постоянном акте созидания образов. Вопрос только в том, на что устремлена энергия воображения – на внешнюю реальность или на внутренний мир человека. Так в его рассуждениях можно обнаружить второй вид фантазий, истоком которых становится всё богатство созерцания собственной души.

II. Фантазия и внутренний мир человека

Несмотря на то, что при взаимодействии человека с окружающим миром воображение продуцирует многочисленные грёзы, фантазия может быть направлена на созидание внутренних состояний и переживаний человека. Игнорируя внешнюю действительность, фантазия способна находить истоки для своих плодов в содержании человеческой души. С точки зрения насущного мира в таких фантазиях нет никакой значимости. Но они могут оказаться бесценными для души. Они наполнены чувствами, духовными состояниями. Это подлинные переживания радости и страдания, трепета и возвышенности, любви и печали. У М. Лермонтова мы находим такие строки:

Ночевала тучка золотая
На груди утёса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;
Но остался влажный след в морщине
Старого утёса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.

Поэт не описывает привычные явления природы. Для него это чувственные образы трепетной любви, тоскливой разлуки. Эти образы оторваны от реальности, они рождены внутренним порывом, поэтически возвышены, обращены к эмоциональным состояниям автора. «Психологический вид творчества имеет дело с материалом, почерпнутым из сознательной жизни человека – с его драматическим опытом, сильными эмоциями, страданием, страстями и человеческой судьбой в целом.

Всё это ассимилирует психика поэта, поднимающаяся от обыденности до уровня поэтического опыта и самовыражающаяся с силой убеждения, которая раскрывает нам глубины бытия, живописуя повседневные события, избегаемые нами или ускользающие от нашего внимания в силу того, что они кажутся нам скучными или вызывают дискомфорт. Сырой материал для этого типа творчества взят из содержания человеческого сознания, из его вечно повторяющихся радостей и горестей, прояснённых и преображённых поэтом» [13, с. 39]. Поэтическое творчество в данном случае становится ярчайшей иллюстрацией возвышенной фантазии, рождённой внутренним миром человека. Но и в прозе жизни таких примеров множество. Наверное, каждый, проанализировав любой день своей жизни, может отметить, как часто он вовлекается в авантюры фантазии, которые не имеют никакого отношения к действительности. Это сюжеты, наполненные чувственным содержанием, в свободном выражении глубинных состояний души. Об этом написаны тома романтической и сентиментальной прозы.

Чего только стоят чувственные переживания девушки, на которую произвело сильнейшее впечатление предсказание нищего, что однажды на горизонте моря появится корабль с алыми парусами, на котором приплывёт принц и заберёт её. Это стало романтической мечтой, сладкой грёзой молодой девушки на протяжении целых десяти лет. Для героини А. Грина грёза выстраивает целый мир, символом которого является корабль с алыми парусами. Для окружения Ассоль это причуда, странность, чудаковатость. Но фантазия девушки, напротив, раскрывает этот символ с особой чуткостью душевных порывов. Красота этой повести заключена в чистой мечте, в возвышенном чувствовании девушки, которая в своей фантазии взрастила столь прекрасный, нежный образ, наполнивший её душу светлыми чувствами. Здесь нет реальности, есть только призрачный, сказочный образ, в котором взращиваются чувства, переживания, высокие состояния. Но эта грёза оказалась бесценной для тонкой, чистой, невинной души.

Юнг полагает, что именно благодаря ярким образам, созданным фантазией, выражается вся глубина внутреннего мира, её обращённость к содержанию душевных переживаний, в которых человек может обнаружить глубокий жизненный смысл. Это такой исток фантазий, который не принадлежит внешней действительности, но отражает весь драматизм человеческого существования. «Только в образе, который мы создаём, мы предстаём перед самими собою. Только в нашей творческой деятельности мы полностью выходим из тьмы и сами становимся познаваемы как целое» [12, с. 256]. Фантазия обуславливает всё человеческое в человеке, его отношение к внешнему миру и внутреннему содержанию. Это энергия, которая в творческом выражении полагает существование живой души, обволакивая своим созидательным порывом всю окружающую человека реальность. «Я» – это прежде всего

идея, образ. В свободном полёте фантазии человек способен проникнуть в самые глубины своего внутреннего мира, оторваться от бренной реальности к вечности духа, обнажая целую палитру чувственных переживаний. В грёзах раскрываются чистые, освобождённые от огранки окружающего мира эмоциональные состояния. Это беспрепятственное, прямое соприкосновение с человеческой душой.

Здесь Юнг близок к романтикам и их пониманию фантазии. В эпоху романтизма фантазия воспринималась как высшая, главенствующая особенность человеческой психики. Немецкий поэт и философ Ф. Шиллер выразил величие свободы человеческой грёзы такими словами: «На крыльях фантазии покидает человек узкие пределы настоящего времени, в которое он поставлен исключительной животностью, дабы стремиться вперёд к неограниченной будущности, однако сердце его ещё не перестало жить единичным и служить минуте, в то время как пред его головокружительным воображением встаёт бесконечное» [7, с. 159]. Фантазия даёт возможность рассматривать человека в самой своей сути – освобождённого от условностей внешнего мира, животного начала, социальной среды. Здесь пестрят чувственные страсти, переживания, глубокие душевные и духовные состояния в своём обнажённом виде. И эти свойства души, проявления духа рисуют совершенно иную картину человеческого бытия. Эта фантазийная реальность оказывается гораздо ценнее для человека, ведь в ней выражается то, что свойственно сущности человеческой души и духа.

Юнг, опираясь на идеи Шиллера, отмечает особую, игривую деятельность воображения. Игра воображения не желанная воля, а поуждение, жизненная необходимость. Воображение обуславливает существование психики вообще, наполняя содержанием внутренний мир человека. Но её деятельность ничто не ограничивает, в свободной игре фантазии рождаются образы, наполняющие и полагающие внутренний мир человека, сущность его души. В этом смысле фантазия в своей сути автономна. Сознание лишь подхватывает созданные фантазией образы, доводя их до яркости, возможности выражения. Равно как чувство, фантазия не поддаётся одной лишь волевой установке.

Кажется парадоксальным, что иллюзия, грёза, отделённая от реальности в метафоричности чувств и страстей, способна всецело захватить человека, оторвать его от действительности. Но энергия фантазии, порывы её творчества свойственны не только чувствам. Она окутывает весь психический мир человека. «Фантазия одинаково присуща чувству и мысли, она одинаково причастна к интуиции и к ощущению. Нет ни одной психической функции, которая не была бы нераздельно слита в фантазии с другими функциями. Фантазия представляется нам то как нечто изначальное, то как последний и самый смелый продукт соединения всех способностей человека. Поэтому я и считаю фантазию наиболее ярким выражением специфической активности нашей психики» [14, с. 119].

Воспаряя над реальностью, мечтатель, поэт, грёзотворец видит, мыслит, ощущает, чувствует совершенно другую реальность. Это иная действительность, целостный, полноценный мир человеческого духа, интимная обитель собственного детища фантазий. Здесь отсутствует прозаичность обыденности, бренность земного существования. Здесь есть то, чего лишена окружающая реальность, – такие духовные и душевные состояния, над которыми не властно бремя действительности.

Способность отрываться от действительности, уходить в мир чувственных, эмоциональных состояний, создавать сюжеты, не имеющие ничего общего с внешним миром – величайший дар, без которого человек не мог бы с полным правом называться человеком. Но в то же время Юнгу как терапевту становится очевидно, что в такой оторванности существует угроза. Это не та опасность, которая подстерегает фантазёра, нарисовавшего себе идеальную мечту, скрывающую все невзгоды реальности.

Чувственной грёзе, созданной внутренним порывом души, невозможно дать оценку по критериям реальности, они несовместимы. Фантазия поэта – не идеализация действительности, она порождение иного порядка. Но такая грёза привлекает сплетённостью живых чувств, многогранностью чистых духовных переживаний. «Поэты и душевнобольные имеют нечто общее, что, впрочем, заключено и в душе каждого человека, а именно безостановочно работающую фантазию, постоянно стремящуюся смягчить жестокую действительность. Тот, кто внимательно и беспощадно наблюдает за собою, не может не сознавать того, что в каждом из нас существует это стремление сгладить всё тяжелое, затушевать все жизненные вопросы, чтобы беззаботно вступить на легкую и свободную дорогу. Из-за душевной болезни стремление это выступает наружу. Когда оно одерживает верх, то действительность рано или поздно затягивается как бы паутиной и превращается в далекий сон; сон же постепенно заменяет действительность, частью или совершенно поглощая больного» [15, с. 205]. Юнг прекрасно понимал, что оторванность от реальности в своём пределе может обернуться жизненной драмой, растворением в фантазии. Грёза в своём пределе может оказаться губительной. Стоит вспомнить «Страдания юного Вертера» И. Гёте. Молодого человека раздирает жизненная драма, угнетает тяжесть неразделённого чувства любви. Жизнь без возлюбленной теряет смысл, блекнет, меркнет, лучше смерть. Но подозревал ли Гёте, что его роман спровоцирует целую волну подражателей? Молодые страдальцы, слепо следуя в мир своих чувствований, душевных переживаний и стенаний, нашли в фантазии немецкого писателя блаженное «спасение». Смерть стала единственным разрешением их страданий.

Фантазию пробуждают как события окружающей действительности, так и внутренние порывы человеческого духа к возвышенным чувствам, эмоциональным выражениям души. Юнг отчётливо показывает обширность творческого акта фантазии, многогранность её выражения.

Фантазия не может рассматриваться односторонне, она чрезвычайно многомерная. Грёза сама по себе неуловима, она постоянно мерцает, кружится, переливается, поражает своим сиянием. Встать на одну из сторон, полагая, что фантазия в своём истинном виде рождается лишь исходя из наглядной действительности или же по-настоящему выражается в полной оторванности от реальности, – означает лишить фантазию свойственной ей свободы, презреть хаотичную природу воображения. Но помимо этих двух видов фантазий в философии Юнга можно выделить третий – архаичные образы коллективного бессознательного.

III. Архаичные фантазии

Теорию архетипов Юнга можно считать, пожалуй, самой революционной в контексте феномена фантазии в философской антропологии. Именно его перу принадлежит фундаментально разработанная идея о содержании коллективного бессознательного, которая выражается в архаических образах символической фантазии. Юнг полагал, что фантазии такого рода «представляют собой отражение постоянно повторяющегося опыта человечества» [9, с. 299]. Это кристаллизованная выжимка, концентрат человеческого бытия, выраженный в мифологических фантазиях, архаических образах, сказках, эпосе. Ведя терапевтическую практику и изучая клинический материал пациентов, К.Г. Юнг обнаружил, что некоторые больные в бреде описывают такие сюжетные образы, о которых они не могли знать в силу недостатка в образовании, но которые имеют поразительное сходство с мифологическими сюжетами.

С этой точкой зрения соглашается и Фрейд, однако для него такие первофантазии остаются в рамках казуальной связи. Он полагает их врождёнными, переходящими по наследству, т. е. для него они подвержены филогенетическому объяснению [4]. Фрейд полагал, что первообразы уходят в глубь исторической реальности, т. е. возникают в результате архаических событий. Иными словами, для родоначальника психоанализа первообразы имеют в своей основе конкретные ситуации, олицетворяющие быт древних семейных общин. В таком ракурсе первофантазии обретают всё больше физиологический характер, как генетическая память, а не как продукт особого рода фантазий.

Для К.Г. Юнга первообраз имеет чисто психическую природу. Это не продукт фантазии конкретного индивида, а сгущённый опыт всего человечества, который содержится в глубинных слоях психики, коллективном бессознательном. И этот опыт не может в своей сердцевине содержать лишь вытесненные сексуальные желания. Такая фантазия безотносительна, без принадлежности к кому-либо конкретно, олицетворена в той частью психического, которая простирается за пределами личного существования. Юнг приводит множество примеров сходства

мифических сюжетов в разных культурах. Один из них олицетворяет архетип героя. «Идея Христа-Спасителя звучит в широко распространенном дохристианском мифе о герое и спасителе-освободителе, который, несмотря на то, что был пожран чудовищем, чудесным образом появляется вновь, побеждая это проглотившее его чудовище. Никто не знает, когда и где возник этот мотив» [8, с. 65]. Действительно, этот образ встречается и в мифе о Прометее, обменявшем дар спасительного огня на вечные мучения. Этот образ воплощает и сын скандинавского бога Одина Бальдр, отдавший жизнь ради спасения мира.

Эти схожие сюжеты – лишь окантовка фантазии, огранка в соответствии с культурными представлениями, адаптациями, интерпретациями. Но сама суть мифической фантазии кроется в сжатой, концентрированной идее, опыте человеческих переживаний, воззрений, представлений. Это не знания о мире, а именно представления, интуитивные догадки, которые окутывают всё человеческое существование. Они не остаются лишь в рамках культурно-исторического наследия. Фантазия пронизывает всё существование человека. Содержание коллективного бессознательного, кристаллизованный опыт человечества, архаические образы выражаются в фантазии мифов, легенд, сказок. Более того, поведение человека, направленность его жизни во многом определяется фантазиями такого рода.

Например, архетип Красавица и Чудовище знаком, вероятно, каждому человеку по сказочным и мифическим сюжетам. Однако в этой универсальной фантазии символически выражен путь становления женской психики. Ученик Юнга Дж. Хендерсон даёт такую трактовку этому архетипу: «Красавица – это, видимо, любая девушка или молодая женщина, эмоционально привязанная к своему отцу. <...> Сила этой привязанности не уменьшается из-за её духовной доброты. Её доброте символизирует просьба привезти белую розу – её подсознательным намерением отдать отца, а затем и самое себя во власть силы, выражающей не только добро, но и зло. Как будто она хочет спастись от любви, признающей только добродетель и потому нереальной. Сумев полюбить Чудище, она начинает осознавать силу любви, скрывающейся за его звериным – в сущности эротическим – обликом. По-видимому, так обозначено пробуждение в ней истинной функции привязанности, позволяющей ей принять эротическую составляющую своего реального желания, ранее подавляемого из-за страха инцеста. Чтобы покинуть отца, она должна была, познав этот страх, укрываться от него в своих фантазиях до тех пор, пока случай не свёл её с полчеловеком-полузверем, в любви к которому раскрылось её истинно женское начало» [17, с. 140].

Как видно, сюжет сказки и его символика олицетворяют психическое развитие женщины, последовательно пробуждающиеся в ней естественные эротические чувства. Психика очень чутко реагирует на все необходимые для полноценной жизни изменения. Процесс психи-

ческого становления выражается в подобных сюжетах, олицетворяя совокупный опыт человека на протяжении многих веков. Культура накладывает свою аранжировку, заменяя одни детали сказки на другие. Но сюжет остаётся универсальным, повторяется из поколения в поколение, на разных языках, в различные эпохи. И естественное психическое развитие отражается в фантазиях многих сказок и мифов. Кроме того, фантазии часто указывают человеку на препятствующие психическому развитию ситуации. Об этом свидетельствует анализ многочисленных сновидений, в которых также могут быть зашифрованы мифологические и сказочные сюжеты.

Прочтение фантазий, выражающих содержание коллективного бессознательного, требует особых усилий. «У Юнга это личное бессознательное базируется на ещё более глубоком уровне – коллективном бессознательном или объективном психическом – безграничном океане, огромном, гораздо более древнем, чем индивидуальный жизненный цикл, наполненном архетипами: изначальными образами и поступками, которые повторяются снова и снова на протяжении всей истории не только человечества, но и с самого зарождения жизни вообще» [2, с. 13]. Это означает, что фантазия как таковая, в самой своей сути, – сверхличностная, она возвышается над индивидом или, точнее сказать, пронизывает его, словно огромная паутина, вплетая в единую сеть жизненных сюжетов человечества. Человек имеет возможность соприкоснуться с глубинным пластом архаичных содержаний через образы, выраженные фантазией. В таком ключе человек становится своеобразным проводником фантазии. Осознанные грёзы – лишь самая верхушка бездонного омуты нашего воображения. Наша психика целиком состоит из образов, представлений, иллюзий. Но при этом фантазии оставляют свой след на всечеловеческой истории, оседают в коллективном бессознательном.

Фантазия – целостный феномен, между её видами невозможно провести чёткую демаркационную линию. Мы можем предположить лишь определённые условия, плодотворную почву – окружающая нас реальность, внутренний мир нашей психики, кристаллизованный опыт коллективного бессознательного, – которую взрывает воображение. И тогда грёза, пробудившаяся из столкновения с внешним миром, может породить множество возвышенных, оторванных от реальности образов, обратиться к чувственному миру человека. Наверное, мир бы так и не узнал поэта Франческо Петрарку, если бы он не встретил в своей жизни Лауру, неразделённая любовь к которой породила столь проникновенные чувственные образы в его творчестве.

Опыт классификации фантазий показывает, что К.Г. Юнг обстоятельно раскрывает эксцентрику человека, уникальность и особенность человеческой природы. Фантазия лежит в основе кристаллизованного человеческого опыта, выражаясь через мифологию, эпос, сказки, предания, традиции и обычаи. Фантазии наполняют внутренний мир, со-

здают особую, неповторимую в каждом человеке организацию психической реальности. Грёзы позволяют человеку преодолевать сложности мирской жизни. В то же время фантазии могут быть опасными в своём пределе оторванности от действительности. Конечно, тема фантазии в философии Юнга оказывается неисчерпаемой. Фантазии смешиваются, сгущаются, трансформируются, затрагивают все аспекты человеческого бытия, простираясь за пределы личного психического опыта в содержание коллективного бессознательного. Можно лишь наметить контур, условно разделить фантазию по трём типам возникновения, чтобы показать феноменологию фантазии Юнга как одну из самых обстоятельных и полноценных в философской антропологии.

Список литературы

1. Гуревич П.С. Философское толкование человека. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. 472 с.
2. Зеленский В.В. Здравствуй, душа! Работы разных лет. М.: Когито-центр, 2009. 368 с.
3. Кант И. Критика чистого разума / Пер. Н. Лосского. М.: Эксмо, 2016. 736 с.
4. Лаплани Ж. и Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу / Пер. Н. Автономовой. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 752 с.
5. Фрейд З. Введение в психоанализ / Пер. Г. Барышниковой, Е. Соколовой, Т. Родионовой. М.: Азбука-классика, 2009. 416 с.
6. Фрейд З. Художник и фантазирование. М.: Республика, 1995. 400 с.
7. Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека. М.: Директ-медиа, 2009. 200 с.
8. Юнг К. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 304 с.
9. Юнг К. Бог и бессознательное / Сост. П.С. Гуревич. М.: Олимп, 1998. 480 с.
10. Юнг К. Конфликты детской души / Пер. Т. Ребеко, Е. Рязановой, А. Судакова. М.: Канон+, 2004. 336 с.
11. Юнг К. Один современный миф. О вещах, наблюдаемых в небе / Пер. Р. Додельцева. М.: Наука, 1993. 192 с.
12. Юнг К. Проблемы души нашего времени. М. [и др.]: Питер, 2017. 336 с.
13. Юнг К., Нойман Э. Психоанализ и искусство. М.: Ваклер, 1998. 304 с.
14. Юнг К. Психологические типы / Пер. В. Зеленского, С. Лорие. М.: АСТ Москва, 2006. 768 с.
15. Юнг К. Работы по психиатрии / Пер. В. Зеленского. М.: Академический проект, 2000. 304 с.
16. Юнг К. Символы трансформации. М.: АСТ, 2008. 732 с.
17. Юнг К. Человек и его символы. М.: Медков, 2008. 351 с.
18. Ясперс К. Общая психопатология / Пер. Л. Акопяна. М.: Практика, 1997. 1056 с.

PARADOXES OF MODERN HUMANISM

Trifon SUETIN

Junior Research Fellow of Department of the History of Anthropological Doctrines.
RAS Institute of Philosophy, Goncharnaya St. 12/1, Moscow 109240, Russian Federation;
e-mail: suetin_trifon@mail.ru

CARL GUSTAV JUNG ON THE CLASSIFICATION OF FANTASIES

The main theme of the article is the phenomenon of fantasy from the perspective of anthropological thought. The author sees fantasy as one of the most important and multi-faceted anthropological phenomena. Fantasy is involved in all the spheres of human life. Weaving into strict scientific thought, it significantly enriches the knowledge. It has powerful compensatory function, allowing you to embody many unfulfilled desires in dreams. Fantasy can have hedonistic nature, it can cause aesthetic pleasure, as evidenced by art.

Human dreams are countless, they are unique, they have originality in their expression. This complicates the analysis of fantasy in the anthropological aspect. In the history of philosophy there have been various attempts to systematize the fantasies. The author guided by the works of C.G. Jung gives the anthropological classification of fantasies. As a result, there arise three kinds of fantasies on the basis of their appearance.

The first is fantasy, which arise in the collision of man with the external, surrounding reality. People are constantly changing the world around them, making plans, dreaming, trying to imagine their future, and are navigating in their lives largely due to their fantasies. C.G. Jung shows that fantasy, as “spontaneous action of the psyche”, in contact, in the interaction with reality, is constant creative act, and is able largely to fill in the lacks of life. Life not always meets human aspirations, and dreams are much more than the possibilities of their implementation in reality. In fantasy a person can fill in the lack of life, the dream has great compensatory power. However, fantasy can be dangerous in its extreme detachment from reality, immersing person in a complex, tangled procession of illusions that prevent the high-grade existence.

But there are fantasies, for which reality has almost no meaning. These are fantasies of the second kind generated by the inner world of man, by the diversity of his feelings. Sublime poetic dream is able to draw worlds that have no relationship to the world, but are directly related to the profound states of the human soul. Speaking about this kind of fantasies, Jung largely relies on the philosophical tradition of romanticism. In these dreams people are able to penetrate their own inner world, to have access to their deep sensual states. It can be the sense of freedom of their lives, the fear of death, the contemplation of glorified beauty. Fantasy creates a completely different reality, which main value is the creative freedom of the human spirit.

Fantasies as a product of the collective unconscious become the subject of the third part of the article. Jung found that many people's fantasies have deep historical roots. Such fantasies expressed the content of the collective unconscious. The accumulated, crystallized experience of mankind transmitted through the fantasies of myths, legends and various tales. In this perspective, fantasy becomes the common heritage in works of art, but also transfers to modern man a concentrated mental experience of our ancestors through the centuries. We may find that in some myths (e.g., about Hero) or fairy tales (Beauty and the Beast) the stages of development of the psyche of any person are symbolically encrypted. The author shows that C.G. Jung in his works examined at length all three kinds of fantasies. Moreover, such a classification suggests that fantasy is one of the most significant phenomena of man. No other creature possesses such a well-developed and versatile fantasy. Fantasy is expressed the uniqueness, originality, eccentricity of man.

Keywords: fantasy, C.G. Jung, reality, inner world, anthropology, human being, being, the collective unconscious, fantasy, dream

References

1. Freud, S. *Khudozhnik i fantazirovanie* [Creative Writers and Day-Dreaming]. Moscow: Respublika Publ., 1995. 400 pp. (In Russian)
2. Freud, S. *Vvedenie v psikhoanaliz* [Introductory Lectures on Psychoanalysis], trans. by G. Baryshnikova, E. Sokolova, T. Rodionova. Moscow: Azbuka-klassika Publ., 2009. 416 pp. (In Russian)
3. Gurevich, P. *Filosofskoe tolkovanie cheloveka* [A philosophical interpretation of man]. Moscow: Centre of Humanitarian Initiatives Publ., 2012. 472 pp. (In Russian)
4. Jaspers, K. *Obshchaya psikhopatologiya* [General Psychopathology], trans. by L. Akopyan. Moscow: Praktikum Publ., 1997. 1056 pp. (In Russian)
5. Jung, C. & Neumann E. *Psikhoanaliz i iskusstvo* [Psychoanalysis and Art]. Moscow: Vakler Publ., 1998. 304 pp. (In Russian)
6. Jung, C. *Arkhetip i simvol* [Archetype and Symbol]. Moscow: Rennans Publ., 1991. 304 pp. (In Russian)
7. Jung, C. *Bog i bessoznatel'noe* [God and the Unconscious]. Moscow: Olimp Publ., 1998. 480 pp. (In Russian)

8. Jung, C. *Chelovek i ego simvol'y* [Man and His Symbols]. Moscow: Medkov Publ., 2008. 351 pp. (In Russian)
9. Jung, C. *Konflikty detskoi dushi* [On Conflict in the Child's Soul], trans. by T. Rebeko, E. Ryazanova, A. Sudakov. Moscow: Kanon+ Publ., 2004. 336 pp. (In Russian)
10. Jung, C. *Odin sovremennyy mif. O veshchakh, nablyudaemykh v nebe* [A Modern Myth of Things Seen in the Skies], trans. by R. Dodel'tsev. Moscow: Nauka Publ., 1993. 192 pp. (In Russian)
11. Jung, C. *Problemy dushi nashego vremeni* [The Spiritual Problems of Our Time]. Moscow: Piter Publ., 2017. 336 pp. (In Russian)
12. Jung, C. *Psikhologicheskie tipy* [Psychological Types], trans. by V. Zelensky & S. Lorie. Moscow: AST Moskva Publ., 2006. 768 pp. (In Russian)
13. Jung, C. *Raboty po psikhiatrii* [Psychiatric Studies], trans. by V. Zelensky. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2000. 304 pp. (In Russian)
14. Jung, C. *Simvol'y transformatsii* [Symbols of Transformation]. Moscow: AST Publ., 2008. 732 pp. (In Russian)
15. Kant, I. *Kritika chistogo razuma* [Criticism of pure reason], trans. by N. Lossky. Moscow: Eksmo Publ., 2016. 736 pp. (In Russian)
16. Laplanche, J. & Pontalis J.-B. *Slovar' po psikhoanalizu* [Dictionary of Psychoanalysis], trans. by N. Avtonomova. Moscow: Centre of Humanitarian Initiatives Publ., 2016. 752 pp. (In Russian)
17. Schiller, F. *Pis'ma ob esteticheskoy vospitanii cheloveka* [Letters on the Aesthetic Education of Man]. Moscow: Direkt-media Publ., 2009. 200 pp. (In Russian)
18. Zelensky, V. *Zdravstvui, dusha! Raboty raznykh let* [Hello, Soul! Works of Different Years]. Moscow: Kogito-sentr Publ., 2009. 368 pp. (In Russian)